

Краковское кабаре «Зелёный балоник»: вариации на тему?..

«...Co tam sobie parle-franse
wyzwirzują za romanse...»

«*Co mówili w kościele u Kapucynów.
Pieśń dziadkowa*»
Piosenki Zielonego Balonika

Кабаре – явление, исключительно типичное для польского музыкально-художественного, эстрадного искусства. Людям, интересующимся польским кабаре, несомненно, известно, что то, что понимается под словом «кабаре» в польском языке (по-польски *cabaret*), и то, что понимается под ним в русском, – две совершенно разные вещи. Польское кабаре является специфичным артистичным институтом, неким паратеатральным представлением, а одновременно и своеобразным типом литературы с характерным для него комплексом литературных техник.

Польское кабаре – это музыкально-драматическое произведение малой формы, которое очень рано (в общем-то, даже изначально) приобрело черты сатирического произведения. Этот жанр польского сценического искусства приближается скорее к тому, что в настоящее время называется эстрадным скетчем. Хотя и это не совсем так, поскольку непременной составляющей польского кабаре являются музыкальные номера, а вся программа может не представлять собой единого повествования и напоминает скорее небольшой концерт, соединяя в себе отдельные эстрадные номера.

И это явление сценической жизни Польши является не только неотъемлемой чертой культуры этой страны, но и весьма самобытным, достаточно уникальным явлением. Практически ни в одной другой стране восточноевропейского региона не найдётся сценической формы, которую можно было абсолютно уравнивать с этим видом польского искусства. В России понятие «кабаре» утратило тот первоначальный смысл, который вкладывался в это слово во всей Европе. Хотя ещё в начале 20 в. Россия была знакома с этим видом искусства. Достаточно вспомнить известное московское кабаре «Летучая мышь», возникшее в 1908 г., а также появившееся в то же время петербургское кабаре «Кривое зеркало».

А что на западе Европы? Есть ли на Западе подобные формы? Ответ на этот вопрос должен быть скорее положительным, чем отрицательным. Более того, как известно, именно западным кабаре принадлежит первенство по времени появления. И хотя корни кабаре уходят в глубокую древность (это и античный мим, и выступления средневековых вагантов, наконец, остающийся вне традиционной и политической цензуры пролетарский фольклор), литературное кабаре возникло на исходе 19 в. в среде парижской богемы и быстро начало распространяться по всей Европе. Закрытые изначально товарищеские встречи артистов, импровизации сатирично-развлекательного характера в каком-либо облюбованном кафе постепенно превращались в камеральные эстрадные спектакли, составленные из песенок, рецитаций, музыкальных и танцевальных номеров, связанных в единое целое текстами организатора совместного развлечения авторов и зрителей – конференсье.

Такой характер приобрело и польское кабаре, где звучали специфичные литературные тексты: песенки, мелодекламации, стихи, короткие монологи и скетчи, в которых использовались разные стилистические формы: парафраз, травести, пародия.

Более того, именно французское и немецкое кабаре лежат в основе кабаре польского.

Чтобы не быть голословным, следует обратиться к истокам этого искусства в Польше. Первым польским кабаре был коллектив, который назывался «Зелёный балоник» (*«Zielony balonyk»*, или дословно – «Зелёный воздушный шарик»)².

Днём, а вернее вечером, рождения этого кабаре, когда состоялась первая встреча участников, является 7 октября 1905 г. Однако идея начала вынашиваться, конечно, задолго до этого. Свидетели событий тех лет и непосредственные участники становления этого кабаре среди его основателей называют различных представителей краковской творческой богемы: Теофил Тшчиньски, Станислав Серославски, Карол Фрич, Станислав Жецки-Шренява, Витольд Носковски, Станислав Кучборски, Зенон Прушиньски, Рудольф Шашевски, Конрад Раковски, Людвик Пугет, Эдвард Лещиньски, Казимеж Сихульский³. Другие авторы называют помимо того Яна Скотницкого⁴, Эдварда Желеньского⁵, Казимежа Желеховского, Тадеуша

Жука-Скаршевского, Яна Станиславского⁶. Начиная с третьей программы, активным апологетом и творцом кабаре стал Тадеуш Желеньски-Бой.

В разных воспоминаниях фигурируют разные персонажи из этого списка. Однако практически не вызывает сомнения участие в организации кабаре одного из представителей творческой элиты Кракова, имя которого повторяется в большинстве воспоминаний – драматурга Яна Августа Киселевского⁷, побывавшего в Париже и познакомившегося с действовавшими там «малыми сценами», которые, правда, к этому моменту уже прошли время своего расцвета.

Исследователи кабаре единодушны во мнении о том, что именно Франция стала родиной этого вида сценического искусства⁸. Именно там, в Париже, в 1881 году на бульваре Рошешуар, 84 по инициативе Родолфа Сале зарождается первое европейское кабаре «Ле Ша-Нуар» (*“Le Chat-Noir”*), или «Чёрный кот», явившееся протестом против обывательщины и натурализма в литературе и искусстве и желанием противопоставить себя малоамбициозным кафе⁹. Встречи в этом кабаре носили закрытый характер, а вечера представляли собой собрания певцов, поэтов, композиторов, художников. Тексты кабаре были острыми и провокационными (именно таким позднее и будет краковский «Зелёный балоник»). Вслед за ним в Париже появляется ряд других кабаре. Но к 1900 г. этот жанр претерпевает упадок, и под влиянием обстоятельств характер кабаре меняется, оно становится достоянием широкого зрителя, а тексты – менее провокационными.

Так вот, когда после возвращения из Франции Киселевски, встретившись со своими друзьями в кафе «Сецессия», рассказал им о парижской жизни, его зрелищах и бульварных кабаре, Кучборски (как передаёт Ян Скотницки¹⁰) воскликнул: “Мы должны нечто подобное сотворить в Кракове!” “Должны! Должны!” – поддержали его остальные, и Киселевски, хорошо знавший Париж и его кабаре, взялся отработать литературную сторону и найти ведущего этого представления. «Идеолог» краковского кабаре Тадеуш Желеньски-Бой утверждает, что как раз французское кабаре и оказало влияние на форму и репертуар программ в «Яме Михалика»¹¹.

Кроме того, именно Киселевски стал автором приглашения на первый вечер (текст этого первого пригласительного билета сохранился и приложен к статье на польском и русском языках) и в день рождения кабаре «Зелёный балоник» произнёс блестящую инаугурационную речь.

Прочитав уже текст приглашения, можно сразу распознать и почувствовать характер этих мероприятий. Это были встречи творческой элиты Кракова, встречи, проводимые в одном из самых знаменитых краковских артистических кафе – «Яме Михалика», каковую славу это заведение и приобрело, прежде всего, благодаря этому кабаре¹². Род занятий участников кабаре был исключительно разнообразен: прежде всего, это были художники, начинающие литераторы, чиновники, журналисты, люди театра, вскоре для участия в программах стали приглашать и учёных из

университетских кругов¹³. Изначально встречи носили характер чистой импровизации, позднее, когда в движение включился Желеньски-Бой, представления приобрели сценарий и появился конферансье.

Вход на эти вечера был бесплатный, но по специальному приглашению, без которого никто в зал войти не мог и которое нельзя было купить ни за какие деньги. Программа никогда не повторялась, каждый вечер был премьерой. Публика от вечера к вечеру была примерно одна и та же. Это была элита тогдашнего Кракова.

Если Киселевски был прежде всего знатоком Парижа и частым гостем тамошних кабаре, то Желеньский-Бой, кроме того, что в ноябре 1900 г. три месяца прожил во Франции, путешествовал в окрестностях Вены, а также бывал в немецких и швейцарских городах, а значит, был знаком и с традициями Германии, куда перемещается центр кабарежной жизни, когда 17 января 1901 года в Берлине возникает кабаре Эрнста Волцогена «Пёстрый театр» («*Bundes Theater*»). Тексты этого кабаре не носили ярко выраженного политического характера, хотя по-прежнему были направлены против обывателя.

Не последним германским городом в этом отношении был и Мюнхен. Знаменитое мюнхенское кабаре «Одиннадцать палачей» («*Elf Scharflichter*»), возникшее 14 апреля 1901 г., не только по своему характеру напоминало краковский «Зелёный балоник» (представления кабаре носили характер импровизации, и публика могла принимать участие в создании программы), но сохранились также свидетельства о непосредственных контактах этих двух кабаре, когда 3 января 1909 г. в «Яме Михалика» состоялся вечер песни некоего Ганса Штрика – бывшего участника кабаре «Одиннадцать палачей»¹⁴.

А уже после рождения «Зелёного балоника», в 1907 г., возникают литературные кафе и в Австрии, в Вене. Именно с этим городом у Кракова существовали многочисленные контакты в связи с частыми поездками туда как политиков, так и представителей творческой среды. И Т. Вейсс настаивает на факте несомненного заимствования польским кабаре у кабаре немецкого¹⁵.

Тексты «Зелёного балоника» также свидетельствуют о значительном западном влиянии. История сохранила для нас имена многочисленных авторов кабарежных вечеров: Витольд Носковски, Теофил Тшчиньски, Каспер Желеховски, Карол Фрич, Тадеуш Жук-Скаршевски, Ян Станиславски. В 1908 г. Эдвардом Лещиньским были опубликованы «Песенки „Зелёного балоника“»¹⁶. Однако наиболее ценными для нас остаются тексты этого кабаре, собранные в книге Желеньского-Боя¹⁷.

При целенаправленном прочтении этих текстов можно найти очень много элементов, относящих нас к западноевропейской культуре. Авторы текстов, в частности Желеньски-Бой, были хорошими знатоками этой культуры. Для выявления заимствованных элементов можно подвергнуть эти тексты анализу культурологическому, литературоведческому, историческому, наконец. Мы же остановимся на анализе лексикологическом,

выявляющем то большое влияние, которое оказало западное кабаре на польское.

Во-первых, в текстах кабаре встречается большое количество французских и немецких заимствований, часто представляющих собой искажение иностранных слов, вложенных в уста обывателя, при помощи чего авторы текстов подчёркивали свою от этого обывателя дистанцированность: “Co tam sobie *parle-franse* wyzwirzują za romanse...”, “...Wstyd wymowic: jakieś *macice*” (искажённое название танца *la matchitche*) («Co mówili w kościele kapucynów. Pieśń dziadkowa»); “... Ostał ino *śpas*” (от немецкого *Spass* – «шутка») («Głos dziadkowy o robotach ziemnych pana Prezydenta»); “... Tym czasem wrocil *ciupasem*” (от немецкого *zu Fuß* «пешком») («Opowieść dziadkowa o cudach jasnogórskich»); “... Separacja od stołu, no i ... *szezlonga*” («шезлонг» – слово, не бывшее в то время ещё широко понятным польскому читателю, о чём свидетельствует необходимость пояснения его значения, которое было сделано Боем¹⁸) («Kilka słów w obronie świętości małżeństwa»); “Na Turka, na Turka *rukuje* pułk trzynasty...” (от немецкого *rücken* – «двигаться») («Pobudka»); *potpourri* – в названии песни «*Potpourri z malarskiego świątka*»; “... Zbrakło juz *tużurków* czarnych u Gajera...” (французское слово, судя опять же по примечаниям Боя¹⁹, понятное тогда не каждому поляку) («Potpourri z malarskiego świątka»); “... Różne *siurpryzy* chowa kapryśny los...” (французское слово, вновь потребовавшее комментария²⁰) («Proroctwo królowej Jadwigi»); “... Że w onem mieńscu strasne *farmazony* ozgościły się w diabelskiej kompanii...” (вновь понятное сейчас французское слово в те времена, воспринимаясь иностранным, требовало комментария²¹) («Głos dziadkowy o restauracji kościoła parafialnego w Szczucinie»).

В текстах и названиях песен часто употребляются прямые французские вкрапления, звучавшие, вероятно, более изысканно. Так, мелодия песни «Pochwała ojcostwa» названа по-французски – *Danse du ventre*. Французские вкрапления в других местах текстов представляют собой следующее “... Lecz zdawały mu się nie dość *comme il faut*” («Zur Hebung des Fremdenverkehrs»); “*Ma toute belle...*”, “...*Quel est votre prix?*”, “*C'est mon prix fixe*” («Dzień p. Esika w Ostendzie»); “Będziemy jeździć do hetery (Pst! *Fiaker!*...)” («Głos rozjemczy w sprawie pana Wilhelma Feldmana contra Rosner, Żuławski, Tetmajer etc., etc.»); “... Wy nawzajem mnie, więc jesteście *quitte*”, “... Choć z kretesem już będę, *vieux ramolli...*” («Pożegnanie»); “... Tak jak gdzie indziej mówi się: *Bonjour!*”, “Z wszelką pewnością jedna jest z Opawy, druga z Czerniowiec lub *aus Budapest!*...” («Pieśń o naszych stolicach i jak je opatrność obdzieliła»)

Появляются также и немецкие фразы, звучавшие так по-европейски. Так, по-немецки звучит название песни, хотя и посвящённой (как гласит соответствующая пометка) польскому Туристическому товариществу – «*Zur Hebung des Fremdenverkehrs*». Эпиграфом к песне «Dzień p. Esika w Ostendzie» является текст Шиллера на немецком языке²². А также представленная наполовину по-немецки, наполовину по-польски знаменитая

фраза "Ordnung musi być"²³ («Głos dzadkowy o robotach ziemnych pana Prezydenta»).

Во-вторых, песни «Зелёного балоника», опубликованные Желеньским-Боем, часто написаны на французскую музыку, которая, вероятно, казалась для текстов такого рода более подходящей, нежели национальная (вероятно, потому, что в национальной традиции такой песенный жанр не был представлен). Это песни: «Dzień p. Esika w Ostendzie», «Piosenka sentymalna, której jednak nie trzeba brać z nadto serio» (музыка: Delmet, *Envoi de fleurs*), «Rozkosze życia» (изначально эта песенка даже называлась по-французски – *Joie de vivre*)²⁴; «Piosenka przekonująca» (музыка: Delmet, *Petit chagrin*); «Zielony balonik – Muzeum Narodowemu» (музыка – *La Matchitche*); «Piosenka wzruszająca» (музыка: Delmet, *Fleurs et pensées*); «Pożegnanie».

Кроме того, в целом ряде песен замечается обращение к европейским реалиям (однако не является сейчас целью нашего рассмотрения).

Отметим между прочим, что образованность авторов кабаре демонстрирует частое обращение не только к современным европейским, но и к древним языкам, в частности, к латыни. Так, в одной песне, помимо упоминания римских богов, демонстрируется знание римской литературы при цитировании начала знаменитой речи Цицерона "... quosque [tandem]...". Латинские вкрапления употреблены и в самом названии этой песни: «Głos rozjemczy w sprawie pana Wilhelma Feldmana contra Rosner, Żuławski, Tetmajer etc., etc.». В другой песне вновь встречаем латынь: *compendia* («Proroctwo królowej Jadwigi»). Кроме того, в текстах можно обнаружить и итальянские вкрапления: *Evviva!* («Proroctwo królowej Jadwigi»); *Eccola!* («Pieśń o naszym stolicach i jak je opatrność obdzieliła»).

Это были примеры, подобранные методом сплошной выборки из текстов, опубликованных Т. Желеньским-Боем. И мы должны констатировать факт, что процент заимствований в текстах кабаре достаточно велик: из 28 проанализированных произведений только 9 не содержали никаких следов влияний.

Когда организовывалось кабаре «Зелёный балоник», оно, как утверждают современники, не претендовало стать общепольским национальным достоянием. Оно возникло как забава в узком кругу, без претензий на широкую славу. Более того, эти встречи в силу своей закрытости, новаторства и пр. были чуждыми среднему краковяку и воспринимались как нечто инородное. В те времена никто не только не думал, что кабаре станет своего рода символом польского эстрадного искусства, но даже не считал это искусство польским.

Это были собрания довольно шумные, вызывавшие много разговоров обывателей, распространявших дичайшие сплетни об оргиях и богохульстве в «Яме Михалика» и порывавшихся время от времени вызвать туда полицию. Картину отдалённости среднего краковяка от этих собраний рисуют и сами тексты кабаре. Вспомним ещё раз цитировавшиеся уже строки из песни «Co mówili w kościele kapucynów. Pieśń dziadkowa»: "Co tam sobie parle-franse

wyzwirzają za romanse..."²⁵. Чужим, вероятно, было даже само название «кабаре», обыгранное в одной из строф этой же песни: "... Co oni w tym taburecie – Tfu! nikiej zwykle swinie"²⁶.

Будучи созданным по «западной модели», кабаре было явлением чужим не только обывателям, но даже людям из творческих кругов. Так, с «Зелёным балоником» расправлялся Вильгельм Фельдман, назвав это кабаре «школой цинизма», не давшей польскому искусству ни одного произведения с долгой художественной ценностью (хотя сейчас тексты «Зелёного балоника» стали классикой, вошли в школьную программу), но имевшей влияние на характер подрастающего поколения. Признавал, однако, что в Краков со всей Польши, а также Литвы, и России прибывали паломники не на Вавель, а в «Яму»²⁷. Непонимание этого кабаре находим также у Адама Лада Цибульского²⁸, Карола Иржиковского²⁹, Анджея Ставара³⁰.

Но, несмотря на всё это, «Зелёный балоник» по духу был кабаре типично польским. Появляющиеся в текстах сатирические акценты касались, прежде всего, местных краковских проблем, краковской среды, прежде всего художников и театралов. И высказывавшиеся на сцене аллюзии, требующие для основной массы современного читателя специальных комментариев, были хорошо понятны участникам встреч, так как все они выходили из этой среды.

Уже вторая программа кабаре была посвящена актуальной тогда теме – реставрации Вавеля, каковым образом «Зелёный балоник» продолжил неоднократно поднимавшуюся в то время тему³¹ и связал свою судьбу, по словам Боя, с «самым польским», что было у Кракова³². Краковские («очень краковские», по словам Б. Фарона³³) были и кукольные представления этого кабаре, в персонажах которых узнавались известные личности Кракова³⁴. И хотя большинство текстов не носило ярко выраженного политического характера, зато краковский «двор» был представлен необычайно утончённо и художественно.

Из 28 опубликованных Боем текстов на сюжеты из жизни Кракова, обсуждаемые в той или иной форме, находим в десяти: «Nowa pieśń o gyzdu, czyli: Jak Jan Michalik został Mecenasem sztuki, czyli: Niezbadane są drogi opatrności»; «Co mówili w kościele kapucynów. Pieśń dziadkowa»; «Pochwała ojcostwa»; «Głos dzadkowy o robotach ziemnych pana Prezydenta»; «Głos rozjemczy w sprawie pana Wilhelma Feldmana contra Rosner, Żuławski, Tetmajer etc., etc.»; «Zielony balonik – Muzeum Narodowemu (Hold jubileuszowy, połączony z ukonstytuowaniem sal Jana Michalika jako XXII filii tegoż Muzeum)»; «Jeszcze jedna "filia" Muzeum Narodowego»; «Mistrzowi Styce»; «Potpourri z malarskiego świątka»; «Pieśń o domu malarskim (przeznaczona na uroczyste przedstawienie na rzecz budowy domu uczniów Akademii Sztuk Pięknych i lekkomyślnie odrzucona przez komitet tejże uroczystości)».

Т. Вейсс говорит даже о собственно краковском, провинциальном характере кабаре, ограничивавшимся критикой бюрократии, пьянства, несостоятельности местных властей. «Юмор узкого круга» – так

характеризует он суть творчества «Зелёного балоника». Однако не только этим ограничивается тематика песен кабаре.

В других восьми песнях мы слышим и общепольские или галицийские мотивы. Названия этих произведений говорят сами за себя: «Opowieść dziadkowa o zaginionej Hrabinie»; «Zur Hebung des Fremdenverkehrs (Pieśń poświęcona Krajowemu Tow. Turystycznemu)»; «Opowieść dziadkowa o cudach jasnogórskich»; «Pobudka (śpiewana przez banderę krakowską w czasie pochodu jubileuszowego w Wiedniu (1908))»; «Proroctwo królowej Jadwigi (ze śpiewów historycznych)»; «Pieśń o 'Rafaelu' nowo utworzonego lwowskiego museum (zastyszana na Łyczakowie)»; «Historia "Prawicy Narodowej" (od Bolesława Chrobrego do Władysława Leopolda Jaworskiego (1907))»; «Głos dziadkowy o restauracji kościoła parafialnego w Szczucinie»³⁵.

Порой же патриотические нотки звучали в творчестве «Зелёного балоника» весьма отчётливо. Так, в произведении «Wiersz inauguracyjny na otwarcie piątego sezonu Zielonego Balonika» находим такие строки: "... Że stworzymy, choć pomalu, Polskę, co ma we łbie olej ...", "... Patrzymy, zali Ojczyzna przyjęła ofiarę ona? ..."³⁶. В этой же песне авторов кабаре волнует вопрос: "Kto lepiej służył krajowi..."³⁷. Само за себя говорит и название другой песни: «Pieśń o naszych stolicach i jak je opratrzność obdzieliła»³⁸.

Показательно при этом, что в более поздних текстах уменьшается процент иноязычных заимствований (что свидетельствует, вероятно, об адаптации жанра кабаре): среди опубликованных Боем песен, написанных в 1906–1908 гг., иноязычные вкрапления имеют 62 %, в 1909–1911 – лишь 36 %.

Так что же такое польское кабаре? Должны ли мы признать, что это лишь вариант французского и немецкого кабаре? Вариация на тему?.. Наверное, всё же ответ должен быть отрицательным. В польском кабаре мы должны видеть не стопроцентное подражание западной традиции, а скорее некий синтез западно- и восточноевропейской культуры. Мы должны признать уникальность польского кабаре, представляющего собой своеобразное место встречи разных культурных традиций начала 20 века.

Приложение

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР «ЗЕЛЁНОГО БАЛОНИКА»

"ZIELONY BALONIK, w sobotę dnia 7 bm. odbędzie się hałaśliwe otwarcie pierwszego krakowskiego kabaretu artystów w szlachetnym winie ochrzczonego imieniem ZIELONY BALONIK w Jamie Michalika (Cukiernia Lwowska przy ul. Floriańskiej). Początek po godz. 10 ½ wieczór. Wstęp bezpłatny, za zaproszeniami.

Zaproszeni goście będą weseli i krzykliwi, namiętnie okłaskujący wszystko i wszystkich. Toaleta bezwzględnie obowiązująca: na tasie do guzika uwiązany CAPTIF, nad głową w wysokości 35 cm bujający "zielony balonik". Wszystkie inne części garderoby zbyteczne. Nie posiadanie tego lekkomyślnego emblematu "członka gapia" w kabarecie, może narazić najgodniejszą czi osobę zaproszoną na nonszalancję i celowe wylanie za wrota jamy

ZIELONEGO BALONIKA. Komitet nie przyjmuje obowiązku płacenia rachunków za wysuszone napoje.

Poetom nie daje się żadnych zniżek. W czasie "numerów" należy wrzeszczeć, a na wezwanie poskramiacza dyrektora klaskać z pasją godną ZIELONEGO BALONIKA.

Improwizatorzy zachęą przed lub w czasie wieczoru objawić życzenie kierownikowi (J.A. Kisielewski), iż ich ogarną szal twórczy i humorystyczny, że chcą pokazać ludowi swoją nagać duszę, a natychmiast stanie się zadość ich nieskromnej żądy.

Śmierć szczurom i białoskórnikom!

ZIELONY BALONIK

Wejście przez bramę domu."³⁹

"«Зелёный балоник», в субботу, 7 числа сего месяца, состоится шумное открытие первого краковского кабаре артистов в благородном вине, окрещённого именем «Зелёный балоник», в «Яме Михалика» («Львовская кондитерская» на ул. Флорианской). Начало после 10 1/2 вечера. Вход бесплатный, по приглашениям.

Приглашённые гости будут весёлыми и крикливыми, страстно аплодирующими всему и всем. Непременный туалет: на тесёмке привязанный к пуговице CAPTIF, над головой на высоте 35 см колышущийся «зелёный шарик». Все остальные части гардероба излишни. Отсутствие этой легкомысленной эмблемы в кабаре может вызвать по отношению к наидостойнейшей особе бесцеремонность и целенаправленное изгнание за ворота ямы «Зелёного балоника». Комитет не берёт на себя обязательства по оплате осушенных напитков.

Поэтам не предоставляется никаких скидок. Во время «номеров» следует кричать, а для вызова укротителя директора хлопать со страстью, достойной «Зелёного балоника».

Импровизаторы захотят перед или во время вечера объявить директору (J.A. Kisielewski), что, мол, их охватило творческое и юмористическое исступление, что хотят публично обнажить свою душу, и немедленно произойдёт удовлетворение их нескромного требования.

Смерть крысам и беложурникам!

«Зелёный балоник»

Вход через ворота дома"

Примечания:

1. Правда, близким явлением в современной культуре России является известное студенческое течение – КВН. Ведь и в Польше кабаре становится всё более молодым видом искусства, и, начиная с послевоенных лет, появляются в большом количестве студенческие кабаре, выступления которых напоминают репризы современных команд КВН. Также нечто, приближённое к кабаре, напоминает существовавшая в 70-80-е гг. на советском телевидении и пользовавшаяся большой популярностью передача «Кабачок "Тринадцать стульев"», разыгрывавшая, кстати, «сцены из польской жизни».
2. Хотя в 1902 г. были предприняты попытки выступлений кабаре (в мастерской Л. Кауфмана, а также Л. Шныцера), но были они эфемерны и непрофессиональны. И лишь «Зелёный балоник» можно трактовать как «чистую» модель кабаре.
3. *Waśkowski A.* Przy kawie i absyncie // *Znajomi z tamtych czasów.* Kraków, 1971.
4. *Skotnicki J.* Przy sztalugach i przy biurku. Wspomnienia. Warszawa, 1958.
5. *Siedlecki A.G.* Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim. Kraków, 1962.
6. Их называет Зеон Прушиньски; см.: *Faron B.* Jama Michalika. Przewodnik literacki. Kraków, 1997. S. 70.

7. *Lorenowicz J.* Spojrzenie wstecz. Kraków, 1957; *Skotnicki J.* Przy sztalugach...; *Siedlecki A.G.* Niepospolici ludzie...
8. См., например: *Morsin L.H.* Życie artystyczne i umysłowe Krakowa i Paryża przed dwudziestu pięciu laty // *Miseion.* Kraków, 1934.
9. *Faron B.* Jama Michalika...
10. *Skotnicki J.* Przy sztalugach...
11. *Żeleński-Boy T.* Znaszli ten kraj?.. oraz inne wspomnienia o Krakowie. Wrocław, 1983.
12. Это кафе на ул. Флорианской, дом 45, сохранилось по сегодняшний день и представляет собой уникальный музей, весь интерьер которого, украшенный картинами, витражами и другими произведениями искусства, созданными краковскими художниками-посетителями этого кафе и участниками кабаре в начале 20 в., является достоянием государства.
13. Из личностей, названных в качестве основателей «Зелёного балоника», Тшчиньски был режиссёром, Лещиньски – актёром и режиссёром, Киселевски – драматургом, Желеньски-Бой – литературным и театральным критиком, переводчиком и публицистом, Раковски, Серославски, Носковски – журналистами, Жук-Скаршевски – публицистом, Фрич, Кучборски, Сихульски, Скотницки, Желеховски, Станиславски – художниками.
14. *Faron B.* Jama Michalika...
15. *Weiss T.* Legenda i prawda Zielonego balonika. Kraków, 1987.
16. *Leszczyński E.* Kabaret szalony. Piosenki Zielonego balonika. Kraków, 1908. См. также: *Michalik J.* Nieznane teksty Zielonego balonika // *Pamiętnik literacki.* 1985. Z. 2.
17. *Żeleński-Boy T.* Słówka. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988.
18. *Żeleński-Boy T.* Słówka. S. 208.
19. *Żeleński-Boy T.* Słówka. S. 225.
20. *Żeleński-Boy T.* Słówka. S. 235.
21. *Żeleński-Boy T.* Słówka. S. 247.
22. "Des Lebens ungemischte Freude war doch einem Irdische zuteil".
23. *Ordnung muß sein.*
24. Интересно, что в этой песне встречается выражение «szczęście negatywne» («негативное счастье»), а значительно позже Бой, по его собственному признанию, в примечаниях к текстам «Зелёного балоника» (с. 195) нашёл такое же самое выражение в «*Павле и Вирджинии*» Бернардина де Сен-Пьерр.
25. "Что там за романсы вопят себе парле-франсы..."
26. "... Что они в этом *taburecie* – Тыфу! Не иначе как обычные свиньи".
27. *Feldman W.* Współczesna literatura polska. Okresem 1919-1930. Kraków, 1930.
28. *Cybulski A.L.* Psyche polska w kabarecie. Boy piosenkarz. Kraków, 1911.
29. *Irzykowski K.* Beniaminek. Rzecz o Boyu-Żeleńskim. Warszawa, 1933.
30. *Stawar A.* Tadeusz Żeleński (Boy). Warszawa, 1958.
31. Следует отметить, что исследователь творчества этого кабаре Б. Фарон в принципе отмечает тот факт, что «Зелёный балоник» продолжил традиции сатиры в Галиции. *Faron B.* Jama Michalika...
32. *Żeleński-Boy T.* Znaszli ten kraj?..
33. *Faron B.* Jama Michalika...
34. Подробнее о кукольных представлениях см., например: *Żeleński-Boy T.* Szopki krakowskie Zielonego Balonika. Warszawa, 1992.
35. «Рассказ старика о пропавшей Графине»; «Zur Hebung des Fremdenverkehrs» (Песня, посвящённая Национальному туристическому обществу); «Рассказ старика о ясногорских чудесах»; «Побудка» (исполнявшаяся краковяками во время юбилейного шествия в Вене (1908)); «Пророчество корлевы Ядвиги» (из исторических песен); «Песня о «Рафаэле» открывшегося львовского музея (услышанная в Лычакове)»; «История «Народных правых» (от Болеслава Храброго

до Владислава Леопольда Яворского (1907))»; «Голос стариков о реставрации парафиального костёла в Щучине».

36. "... Что создадим мы, хоть и понемногу, Польшу, у которой есть царь в голове..."; "Смотрим, приняла ли Отчизна эту жертву? ..."
37. "Кто лучше служил стране..."
38. «Песня о наших столицах и как их обделила судьба».
39. Текст печатается по: *Faron B.* Jama Michalika... S. 71-72.

Bondar L. Krakowski kabaret „Zielony balonik”; wariacje na temat?..

W artykule zaprezentowano zarys historii kabaretu „Zielony Balonik” oraz krótkie omówienie związanej z nim twórczości na podstawie analizy tekstów Tadeusza Boya Żeleńskiego. Zagadnienia dotyczące „Zielonego Balonika” wpisują się w kontekst kształtowania się polskiego kabaretu jako unikalnego zjawiska, łączącego w sobie elementy kultury wschodnio – i zachodnioeuropejskiej – swoistego miejsca spotkania różnych tradycji kultury początku XX wieku.